

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится немало уникальных памятников письменности и истинных шедевров оформительского искусства. История их приобретения в той или иной мере известна. За редким исключением, точнее – за одним.

Речь идёт о замечательном альбоме индийских и персидских миниатюр и образцов каллиграфии. Такие альбомы-*муракка*, представляющие собой своего рода миниатюрный музей, стали создаваться в Иране в XV в., а затем в Турции и Индии. Традиция эта сохранилась и в XIX в. Наш альбом описан под номером 489 в каталоге восточных рукописей Императорской публичной (ныне Российской национальной) библиотеки, вышедшем в 1852 г. под редакцией акад. Б.А. Дорна.

В этом каталоге отражены также четыре альбома из так называемой Ардебильской коллекции, полученной во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. в библиотеке при мавзолее шейха Сефи в городе Ардебиле. Иранские шахи династии Сефевидов, родоначальником которой являлся шейх Сефи, с большим вниманием относились к его мавзолею: они его строили, украшали и делали значительные вклады. В начале XVII в. шах Аббас I неоднократно передавал в библиотеку мавзолея весьма ценные рукописи. Часть из них, общим числом 166 единиц, стала своего рода военным трофеем. Однако это приобретение лучше назвать «покупкой под давлением», поскольку за рукописи было заплачено 800 золотых червонцев, и ещё 25 червонцев «пожертвованы» на ремонт мечети. В 1829 г. Ардебильская коллекция была привезена в Петербург и по воле императора помещена в Публичную библиотеку.

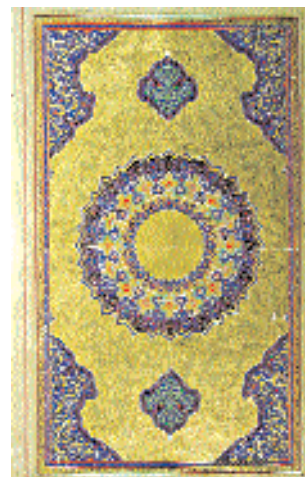
Ольга Валентиновна Васильева – заведующая сектором восточных фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Переплёт. 1560–1570-е гг., подновление 2-ой половины XVIII в., времени изготовления альбома. Внешние стороны картонных крышек покрыты кожей и украшены глубоким золочёным тиснением с пейзажной композицией «звери и птицы в лесу в горах», которая заключена в рамку, состоящую из золочёных тиснёных картушей.

Внутренние стороны крышек украшены ажурной золотой сеткой из тиснёной кожи, положенной на синий фон картонной основы. Рамка по периметру представляет собой череду ажурных картушей, инкрустированных в бордовое кожаное покрытие. На нескольких «четырёхлепестковых» картушах ажурная сетка заменена, видимо, ввиду утраты первоначальных элементов, а на бордовой коже местами нарисованы золотые цветы. Публикуется впервые.

Одинарный фронтиспис. След от сгиба посредине листа свидетельствует о том, что он долгое время хранился согнутым пополам, не принадлежал какой-либо рукописи и не был сделан специально для данного альбома. Публикуется впервые.

Большим объёмом, обилием миниатюр и временем составления *муракка* Дорн 489 отличается от ардебильских альбомов, изготовленных во второй половине XVI в. *Муракка* Дорн 489 оформлен, как мы увидим ниже, во второй половине XVIII в. Зато наш альбом имеет много общего с так называемым Петербургским альбомом, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН под шифром Е 14. Их объединяют время составления, наличие большого числа индийских миниатюр, система компоновки образцов каллиграфии по принципу чередования: разворот с миниатюрами – разворот с образцами каллиграфии. В обоих альбомах образцы или заключались в одну прямоугольную рамку, или монтировались в рамку типа «оконного переплёта», делящую лист на три части: сверху горизонтальный прямоугольник, а под ним два вертикальных. Крайне редко встречается и крестообразная рамка.

Рамки шириной около одного сантиметра представляют собой полоски синей и красной бумаги разных оттенков, украшенные золотым цветочно-растительным орнаментом и наклеенные по периметру миниатюр и образцов каллиграфии. Поля выполнены из плотной темноватой, реже – желтоватой бумаги. Оформлением полей

наш альбом отличается от альбома Е 14, в котором они часто цветные или украшены орнаментом разных типов.

Известно, что над оформлением альбома Е 14 в 1750-х гг. работали три художника, оставившие свои подписи: Мухаммад-Хади, Мухаммад-Бакир и Мухаммад-Садик. Малиновые и синие подписные рамки работы Мухаммад-Бакира, одна из которых имеет дату 1172/1758–1759 г., по стилю очень близки рамкам *муракка* Дорн 489.

С именем этого художника связана рукопись Российской национальной библиотеки «Бустан» Саади (Дорн 380). Судя по записи в медальонах лакированного переплёта, Мухаммад-Бакир изготовил его для Баба-хана, который в 1797 г. стал шахом Ирана под именем Фатх-Али. Предположительно переплёт был изготовлен в Ширазе, когда Баба-хан был его правителем, т.е. между 1794 и 1797 гг.

Творческое долголетие художника, безусловно, несколько настораживает. Однако сравнение бордюрной рамки на внешней стороне крышек переплёта «Бустана» с рамками альбома Дорн 489 и подписными рамками Мухаммад-Бакира из альбома Е 14 показывает их близость и даёт нам основание предположить в них результат труда одного и того же орнаменталиста. В оформлении *муракка* Дорн 489 принимали участие

Развёрнутый фронтиспис
первой части альбома.
«Фатиха», первая сура Корана,
написанная дважды.
Каллиграф 'Абд ар-Рашид.
Правый образец датирован
1031/1621–1622 г.
Публикуется впервые.

и другие художники: многие образцы письма украшены орнаментами разного стиля, фигурками птиц и животных. На одном образце письма есть даже изображение Мадонны с младенцем и ангелом, выполненное в Индии. В Индии орнаментированы и некоторые другие образцы – видимо, они или предназначались или входили в состав более раннего, «индийского» альбома. Одна из трёх миниатюр на последнем листе, представляющая собой цветущую ветку сливы, имеет подпись Мухаммад-Садики и дату 1160/1747 г. Возможно, это тот же художник, что принимал участие в оформлении альбома Е 14.

А Мухаммад-Бакир, по всей видимости, имел отношение и к подновлению переплёта *муракка* Дорн 489, золочёные тиснёные крышки которого были изготовлены ещё в 60–70-е гг. XVI в. Художник-орнаменталист нанёс на кожаную рамку золотой орнамент, аналогичный орнаменту рамок вокруг миниатюр и образцов каллиграфии. После этого рисунок был покрыт слоем лака.

В каталоге Дорна альбом описан по частям, с учётом того, что он имеет две чистые страницы на развороте листов 61–62; за ними следует второй развёрнутый фронтиспис и начинается новая нумерация порядка листов, проставленная так же, как и в первой части, в арабской графике. Двойные листы сброшюрованы по сгибу один к другому, а не тетрадами, как это принято для книги-кодекса. Однако художественный материал организован в двух частях по-разному. В первой части альбома внутри сложенного двойного листа расположены образцы каллиграфии, а миниатюры находятся снаружи. Во второй – наоборот: миниатюры располагаются внутри каждого двойного листа, а образцы письма – на внешних сторонах.

В альбоме 86 листов. Библиотечная запись, сделанная на последнем листе в 1949 г., подтверждает это число. Од-

Три четверостишия – образцы каллиграфии, скомпонованные на одной странице альбома. Правый подписан 'Абд ар-Рашидом. Публикуется впервые.

нако и в каталоге Дорна, и в недатированной заверочной записи хранителя И.А. Бычкова, который работал в Библиотеке с 1881 по 1944 г., значится 88 листов. Недостающие два листа (13 и 14) выявила и опубликовала А.Т. Адамова в каталоге выставки «Земное искусство – небесная красота: Искусство ислама» (СПб., 2000). Они хранятся ныне в Государственном Эрмитаже, куда были переданы в 1933 г. из Ленинградского института литературы и искусства. Когда и как они исчезли из Библиотеки, остаётся неизвестным.

Судя по лакунам в старой нумерации, в первой части альбома отсутствуют ещё 18 листов, а во второй – 16 листов. Общий объём альбома должен был равняться 124 листам: 83 в первой части и 41 – во второй.

Две части альбома не имеют заметных различий в оформлении, мало их и в подборе миниатюр: преобладают индийские XVII–XVIII вв. Из персидских миниатюр в первой части наибольший интерес представляют две неоднократно публиковавшиеся миниатюры гератской школы, которые исследователи иногда приписывают великому мастеру Камаладдину Бехзаду. Во второй части особого внимания заслуживают подписные миниатюры знаменитого художника Риза-йи 'Аббаси.

В целом в альбоме 124 миниатюры, некоторые датированы и подписаны следующими художниками: Мир Калан (1147/1734–1735), Али кули-бик Джаббадар, Мухаммад Надир Самарканди, Шафи'и Аббаси (1044–2 раджаба 1066/1636–26 апреля 1656), Мухаммад Садик (1160/1747). Самая поздняя дата – 1166/1752–1753 г. – проставлена на миниатюре Мухаммада Риза Хинди.

«Дарбар императора Джахангира». Могольская школа. 1-я четв. XVII в.

Общее число образцов письма – 200; 37 из них представляют собой пробы пера, а 163 – образцы *машик* и *кит’а* (буквально «обрезок, отрывок») – небольшие, часто подписанные каллиграфом поэтические или прозаические отрывки на одном листочке. В первой части альбома подавляющее большинство образцов (82) исполнены ‘Абд ар-Рашидом ад-Дайлами, причём на некоторых указаны даты между 1028–1034 / 1618–1625 гг. и города Казвин, Исфахан, Кум. Есть 6 образцов, подписанных знаменитым каллиграфом ‘Имадом ал-Хасани, один датирован 1011/1602–1603 г. Остальные 82 подписных *кит’а* второй части принадлежат руке другого известного мастера Мир ‘Али.

Почему альбом состоит из двух частей, имеющих разную систему нумерации листов? Не были ли два альбома объединены в один? Рукопись трижды побывала в отделе консервации и реставрации документов: в 1955, 1964 и в 1968 гг., хотя совершенно очевидно, что её состояние не требовало радикальных мер. К сожалению, документация за эти годы не позволяет сказать, состоял ли альбом из отдельных листов, из двух блоков или из единого. В.В. Лотария, заведующая сектором реставрации, определила по качеству кожи корешка переплёта, что он был сделан в 1950-е гг., а в 1960-е гг. между листами была подклеена тонкая бумага.

Предположению о том, что с самого начала существовали два разных альбома, и лишь затем на основании общности оформления и формата они были кем-то объединены, противоречит одно существенное обстоятельство. Последняя миниатюра первой части альбома и первая половина развёрнутого фронтисписа второй части находятся на двух наружных сторонах одного двойного листа-bifolio. При этом лист, занимаемый второй половиной развёрнутого фронтисписа, пронумерован цифрой «1». Именно «разорванность» развёрнутого фронтисписа доказывает, что первоначально *муракка* был изготовлен как единое целое. Когда же альбом был разъединён и две его половины бытовали самостоятельно, начальная страница второй части оставалась в составе первой части *муракка*. Именно эта особенность оформления

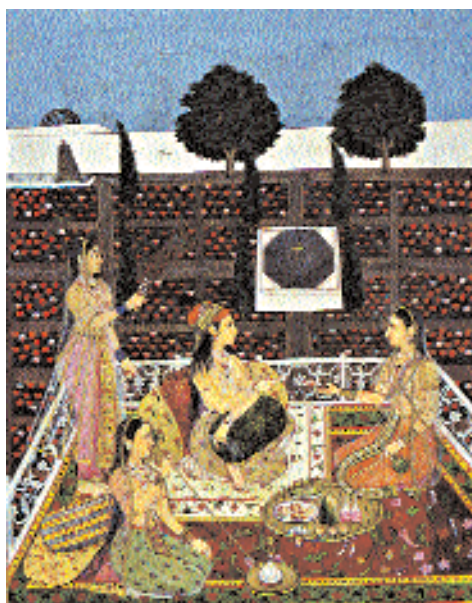
Диптих «Султан Хусейн Байкара, правитель из династии Тимуридов, и поэт Алишер Навои в школе». Конец XV в. Гератская школа. Возможно, работа Камаладдина Бехзада. На правой миниатюре султан Хусейн и Алишер Навои сидят перед учителем. На заднем плане – процесс обработки бумаги: опускание в чан с клеем и просушка листов перед лощением, которое производит ученик, примостившийся в правом нижнем углу центрального ковра. Фигура писца с левой стороны композиции заимствована у итальянца Джентиле Беллини, который в 1479–1481 гг. работал при дворе турецкого султана Мехмеда II. На левой миниатюре они расположились в нише; поэт читает стихи будущему правителю, которому тоже было не чуждо поэтическое творчество. Нашли отражение в миниатюре и другие пристрастия султана Хусейна: он любил гонять голубей, водить боевых баранов (в данном случае изображён козёл) и срамливать петухов.

Три четверостишия – образцы каллиграфии. Верхний и нижний правый подписаны 'Абд ар-Рашидом ад-Дайлами, левый – 'Имадом ал-Хасани и датирован 1011 / 1602-1603 г. Полностью публикуются впервые.

«Знатная дама со служанками на террасе». Могольская школа. Середина XVII в.

промежуточного bifolio позволила в дальнейшем восстановить альбом.

Трудно выдвинуть какое-либо предположение относительно того, кто, когда и почему распорядился оформить вместе две «заготовки» для альбомов. Столь же трудно сказать, кем и зачем единый альбом был разделён, когда из него исчезли 17 двойных листов и когда он был вновь объединён.

Очевидно, что альбом Дорн 489 является редчайшим образцом книжного искусства Ирана. Как же попал этот шедевр в Публичную библиотеку? Б.А. Дорн по большей части указывал источник поступления рукописей в конце описания в каталоге. Однако для *муракка* такой источник, видимо, не был ему известен. В собрание П.П. Дубровского, поступившее в 1805 г. и ставшее основой рукописного отдела, альбом не входил: Дубровский оставлял владельческие записи на принадлежавших ему рукописях. В первые годы существования Библиотеки альбом не поступал, иначе такой раритет был бы непременно упомянут в печатном отчёте. Но отчёты перестали публиковать-

ся после 1817 г. и были возобновлены только в 1850 г. Поиски в архиве РНБ представлялись безнадёжным занятием, поскольку не был известен год поступления. Помог, как это часто бывает, случай.

Однажды библиограф Библиотеки В.И. Чурсин показал мне книгу Роберта Кера Портера «Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babilona during the years 1817, 1818, 1819 and 1820» (London, 1821-1822. Vol. 1-2), присланную автором директору ИПБ А.Н. Оленину. При этом Чурсин сообщил, что в архиве Библиотеки есть документы о награждении Портера в 1821 г. бриллиантовым перстнем за собрание сделанных им в Персии рисунков. Сразу возникло предположение о том, что речь идёт о «собрании пер-

сидских рисунков», т. е. об альбоме Дорн 489. Это было вполне правдоподобно, поскольку в предисловии к каталогу Дорн упомянул «знаменитого путешественника Кера Портера» среди дарителей в 1821 г. Проверить предположение не составило труда, так как был известен номер дела «О Всемилостивейшем пожаловании англичанину Керпортеру бриллиантового перстня за принесённое им в дар Библиотеке собрание рисунков и надписей персидских» [здесь и далее подчёркнуто мной. – О.В.]. В деле имеется несколько писем. В одном из них – от 5 июля 1821 г. – Оленин обращается к министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну с просьбой ходатайствовать перед императором о награждении Портера за его труды по иллюстрированию готовящейся книги Оленина по археологии, т. е. за собрание рисунков, им сделанных.

21 октября 1821 г. датируется письмо Голицына к Оленину, в котором министр сообщает о пожаловании бриллиантового перстня императором Керу Портеру «за собрание рисунков, составленное им во время путешествия в Персии».

Между этими документами находятся два других. 6 октября Голицын пишет Оленину: «Имею честь препроводить по Высочайшему повелению при сём к Вашему превосходительству для хранения в Императорской Публичной библиотеке поднесённую Его Императорскому Величеству от англичанина Портера книгу собрания рисунков и надписей персидских». 10 октября Оленин передаёт «для хранения в Депю рукописей присланную ко мне по Высочайшему повелению от господина министра духовных дел и народного просвещения поднесённую Его Императорскому величеству англичанином Портером книгу собрания рисунков и надписей персидских». Из-за разницы в формулировках осталось неясным, идёт ли речь в цитированных документах об одном и том же «собрании рисунков», или их было два. В последнем случае – за какое именно «собрание» награждён Портер? В «Археологических трудах» Оленина, изданных уже после его смерти (СПб., 1882), используются некоторые иллюстрации из «Travels in Georgia, Persia...», однако следов значительной работы художника для книги Оленина не наблюдается. «Собрание рисунков» не удалось найти ни в отделе эстампов, ни в отделе рукописей Библиотеки.

Кто же такой Портер, и мог ли он быть владельцем альбома-муракка?

Сэр Роберт Кер Портер (1781–1842) был приглашён в 1804 г. Александром I в Россию в качестве придворного исторического живописца и выполнил для Адмиралтей-

Развёрнутый фронтиспис второй части альбома.

В старые орнаментированные поля, некогда согнутые пополам, вклеены образцы каллиграфии.

Правый образец, видимо, является «факсимильным» воспроизведением левого, который подписан Мир 'Али; кроме имени каллиграфа, на левом образце имеется «заверочная» запись

Имада ал-Хасани,

подтверждающая принадлежность почерка «кыбле писцов»

(эпитет великого мастера).

Публикуется впервые.

ства несколько больших картин. В 1811 г. он удачно женился на кузине Оленина княжне М.Ф. Щербатовой. Будучи сотрудником британской миссии в Петербурге, Портер встречался с Мирзой Абу-л-Хасан-ханом, возглавлявшим Персидское посольство, а в 1817 г. отправился в большое путешествие по Кавказу, Персии и Турции и описал его в книге, экземпляр которой прислал Оленину. За год пребывания в Персии Портер познакомился с несколькими принцами крови, высокопоставленными сановниками, наследником престола Аббас-мирзой и с самим Фатх-Али шахом. Портреты двух последних опубликованы в начале обоих томов его книги. В апреле 1819 г. художник имел возможность сделать карандашный набросок к портрету шаха, а в мае 1819 г. вручил ему готовый портрет. Как пишет сам Портер, Фатх-Али был так доволен, что наградил художника орденом Льва и Солнца. Кроме того, он послал ему «несколько изысканных подарков», среди которых вполне мог находиться альбом миниатюр и образцов каллиграфии.

Впрочем, и с наследником Портер находился в тёплых отношениях, о чем свидетельствуют письма Аббас-мирзы художнику, хранящиеся в Британском музее вместе с ещё одним альбомом его рисунков, а также письмо Портера неустановленному высокопоставленному лицу Великобритании. Из опубликованного русского перевода этого письма явствует, что художник, если и не был обременён официальными поручениями разведывательного характера, то как истинный патриот счёл своим долгом проинформировать правительственные круги Англии о той угрозе, которую, по его мнению, представляла Россия интересам его родины. Вывод его прост: Россия может двинуть свои войска через Иран на Индию. Понятно, что на трёхгодичное путешествие Портеру нужны были немалые средства. Получил ли он их от британского правительства? А может быть, Оленин, будучи исполняющим обязанности государственного

Диптих. Миниатюры мешхедской школы 1560–1570-х гг.
Правая сторона: «Шахская охота»;
левая сторона: «Отдых на охоте».

секретаря, инструктировал своего родственника не только в адекватной фиксации археологических памятников? Надо полагать, России тоже были небезынтересны сведения о положении в Иране и Турции. Ясно одно – художника принимали в Персии на высоком уровне, и у него была возможность обрести ценную рукопись.

Казалось бы, вопрос о происхождении альбома можно было считать решённым. Однако в реестре книг, поступивших в 1821 г. в Библиотеку, 11 октября под номером 683 имеется запись: «Собрание рисунков и надписей персидских в алом сафьяновом переплёте в большой лист» и подпись хранителя рукописей А.Х. Востокова. Поскольку альбом Дорн 489 имеет золотой тиснёный переплёт, все-таки речь идёт о «собрании рисунков, составленном Портером во время путешествия в Персии».

Четыре миниатюры, скомпонованные вместе. Нижняя левая – «Музыкант», исфаханской школы начала XVII в., атрибутирована Мухаммаду Касиму. Три остальные – «Музыкант», «Мадонна с младенцем», «Дервиш» – относятся к разным индийским школам XVII–XVIII вв. Полностью публикуются впервые.

Образцы каллиграфии.
Два нижних четверостишия
подписаны Мир 'Али.
Публикуется впервые.

Гипотеза рушилась. Оставалось также неясным, куда делся альбом «в алом сафьяновом переплёте» и почему в «Книге приношений в пользу Императорской Публичной библиотеки» со ссылкой на архивное дело № 20 указано, что Портер преподнёс «Собрание рисунков, чертежей, картин и пр., относящихся к путешествию его в Персию» 23 мая 1821 г., а не в октябре. Вырисовывалась странная картина: Портер передал свои рисунки Оленину 23 мая, 5 июля Оленин обратился через Голицына к Александру I с ходатайством о награждении Портера, но такое не последовало, тогда Оленин, возможно, вернул рисунки Портеру, тот поднёс их Александру Павловичу, который через Голицына 6 октября возвратил рисунки в Библиотеку, 10 октября Оленин подтверждает их получение, 11 октября альбом в алом сафьяновом переплёте вносится в реестр, а 21 октября Голицын препровождает бриллиантовый перстень с вензелем Александра ценою в 2500 рублей для передачи Портеру. Относятся ли все эти факты к одному и тому же альбому или всё-таки был второй — «книга собрания рисунков и надписей персидских»?

Что касается альбома Портера в сафьяновом переплёте, то, благодаря Б.А. Градовой, он «нашёлся» в отделе Востока Эрмитажа. Переплёт, правда, не алый, а светло-коричневый. Но на внутренней стороне верхней крышки видна запись «№ 683. 1821 года», которая соответствует записи в реестре новых поступлений Библиотеки. Оленин, работая над археологическими очерками, мог держать альбом у себя дома, где тот и остался после смерти учёного в 1843 г.

Возможно, так оно и было. Военный историк, генерал-майор Д.П. Бутурлин, сменивший Оленина на посту директора Библиотеки, начал наводить порядок в подведомственном учреждении. Особенно его беспокоило состояние рукописного отделения. 11 июня 1843 г. Бутурлин предписал А.Х. Востокову принять ряд мер «в отвращение важных беспорядков по части хранения рукописей». В марте 1844 г. Востоков вынужден был подать в отставку. Всё-таки очень странно, что Оленин, также ознаменовавший свой приход в библиотеку проверкой отделения рукописей и фактически доведший до увольнения его хранителя П.П. Дубровского, держал у себя дома рукопись, ему лично не принадлежавшую. Если так, то почему Востоков, который не мог не знать об этом, не добился возвращения рукописи в хранилище?

Судя по экслибрису, альбомом владел впоследствии библиофил В.И. Ключков, а 28 марта 1926 г. он был куплен для Восточного отдела Государственного Эрмитажа.

Итак, гипотеза о принадлежности *мураджа* Дорн 489 художнику Портеру не подтвердилась. В то же время не нашлось ответа на вопрос, почему Дорн указал Портера как дарителя восточных рукописей. Надо было начинать сначала.

Занимаясь историей собрания семьи посланника и полномочного министра России при персидском дворе И.О. Симонича, которое было куплено у его наследников

Миниатюра исфаханской школы.
«Шah Аббас и хан Алам».
Художник Риза-йи 'Аббаси.
7 раджаба 1042 / 28 января 1633 г.

в 1868 г., я обратила внимание на то обстоятельство, что сам посланник назван Дорном среди дарителей в 1838 г. Чтобы установить, что именно подарил Симонич, пришлось опять обратиться в архив Библиотеки. В деле «О доставленных по Высочайшему повелению книгах и рукописях» находится отношение министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде к Оленину от 22 февраля 1838 г., в котором говорится:

«Полномочный министр наш в Персии, граф Симонич, доставил Министерству иностранных дел, для поднесения Государю Императору, приобретённое им по случаю, и стоящее дорогой цены, собрание разных персидских рукописей и картин, под названием Мурекке.

Я имел счастье представить оное Его Величеству, и Государь Император Высочайше повелеть соизволил: хранить сей альбом в Императорской публичной библиотеке».

26 февраля, как сообщает в ответном письме Оленин, «альбом состоящий из собрания разных персидских рукописей и картин, под названием Мурекке» был получен.

Настоящий владелец наконец нашёлся. Как мог Симонич приобрести альбом, и почему он подарил его Николаю I?

Полковник Иван Осипович Симонич (1793–1851), биография которого изложена мной в статье «Подарок Хосров-мирзы графу Симоничу» («ВК» № 3/2003), в течение 1832–1838 гг. был чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в Персии. Будучи дипломатом столь высокого ранга, Симонич имел возможность и получить альбом в подарок или в качестве благодарности за услугу, и купить. Фраза из сопроводительного письма «приобретённое им по случаю, и стоящее дорогой цены» не даёт оснований для однозначного толкования. Симонич приехал в Иран во время правления Фатх-Али шаха, он был знаком и с ним, и с наследником Аббас-мирзой. Теоретически каждый из них мог сделать полномочному министру подарок в знак удовлетворения полным восстановлением дипломатических отношений между Персией и Россией.

В 1833 г. умирает Аббас-мирза, а через год и Фатх-Али шах. К этому времени но-

Миниатюра исфаханской школы.
Художник Риза-йи 'Аббаси.
Четыре из них скомпонованы
на одном листе,
причём на двух имеются
подпись художника
и даты: «Дервиш
Абд ал-Муталлиб Симнани»
1 джумада 1041 /
25 ноября 1631 г., «Пастух»
25 зу-л-хиджжа [104]3 /
[22 июня 1634] г.
«Любовная пара» подписана,
но не датирована.

вым наследником был объявлен Мухаммад-мирза, старший сын Аббас-мирзы. Однако наследный принц, находящийся вдали от столицы, скептически смотрел на возможность занятия и удержания престола, тем более, что в Тегеране уже короновался его дядя Зилли-Султан. Симонич, исполняя волю Николая I, активно поддержал законного наследника. За такую услугу вступивший на престол шах Мухаммад вполне мог отблагодарить русского посланника.

Весьма возможным выглядит и другой вариант. Хотя Зилли-Султан добровольно отказался от власти и проявил лояльность по отношению к шаху Мухаммаду, последний всё-таки арестовал его и двух других принцев, Имам-Верди-мирзу и Али-Наги-мирзу. Принцы, находясь в заключении в Ардебиле, бежали на Кавказ, а затем пожелали отправиться в Мекку. Можно предположить, что, если этот побег и не был организован с помощью Симонича, то переход принцев через границу и отсутствие серьёзных претензий у шаха к России по этому поводу явились следствием деятельного участия посланника. Такое участие заслуживало глубокой благодарности.

Симонич мог и купить альбом. В Иране находился сын последнего грузинского царя Ираклия Александр, не пожелавший принять подданство России после присоединения к ней Грузии. Николай I повелел поместить проживавшего в Ереване малолетнего сына князя Александра в достойное его происхождения учебное заведение Петербурга. Вместе с ним должна была переехать и жена Александра. Симонич попытался предотвратить это переселение, чем вызвал неудовольствие главнокомандующего Г.В. Розена. Последний даже намекал на родство посланника (через его жену) с беглым князем. Известно, что Александр нуждался в деньгах, и Симонич вполне мог его «выручить», купив дорогие вещи. Кстати, в семейном собрании Симоничей хранится альбом XIX в. с изображениями шахов Ирана; объяснительные записи в нём сделаны на грузинском языке.

Как видим, Симонич имел более чем достаточно возможностей приобрести *муракка*. А вот причина, которая вынудила его презентовать альбом императору, представляется весьма очевидной. Посланником были недовольны. Более того, в августе 1837 г. уже был назначен его преемник А.О. Дюгамель.

Три миниатюры.
Вверху: слева «Портрет
неизвестного», XVII в.,
могольская школа;
справа «Шах Аббас», XVII в.
Исфаханская школа,
художник, по всей видимости,
Риза-йи 'Аббаси.
Внизу: «Всадник в горах»,
[100]9 / [1601–1602],
могольская школа.
Полностью публикуются впервые.

Однако нового посланника надолго задержали семейные дела, и Симонич, воспользовавшись этим, пытался изменить ситуацию в свою пользу. Посылка дорогого подарка государю не сыграла решающей роли. 30 апреля 1838 г. Симонич был уволен, а 15 ноября сдал дела и отбыл из Тегерана.

Итак, из документов совершенно ясно, что российский посланник и полномочный министр при персидском дворе граф Иван Осипович Симонич являлся владельцем *муракки*. У него была возможность приобрести эту дорогую рукопись и была необходимость подарить её Николаю I. Николай Павлович счёл желательным передать альбом в Императорскую Публичную библиотеку,

так же как он передал все 400 поступившие к нему восточные рукописи: Ардебильское, Ахалцхское и Адрианопольское собрания и рукописи, привезённые внуком Фатх-Али шаха Хосров-мирзой после убийства в Тегеране А.С. Грибоедова.

Пока остаются неизвестными имена заказчика и предыдущих владельцев (на миниатюре на л. 52 об. есть след оттиска печати, стёртый настолько, что прочесть его не помогли и современные оптико-электронные методы). Неизвестна судьба семнадцати двойных листов, входивших в состав альбома, но не поступивших в Библиотеку. Остаётся открытым вопрос, принадлежали ли обе части альбома Дорн 489 Симоничу,

Whose Album Is It? The History of a Search

Muraqqa'-album of Indian and Persian miniatures and specimens of calligraphy (shelf number Dorn 489) is a real masterpiece of Persian book art. Nevertheless, the history of its journey towards the bookshelves of the National Library of Russia in Saint Petersburg has been unknown so far. The author attempts to find out when and where from the Library acquired this album.

Olga Vasilyeva

is the Curator of Oriental Collections, Manuscript Department, National Library of Russia.

Вверху две миниатюры XVIII в.
Внизу: «В медресе». Конец XV в.,
гератская школа.
Эта миниатюра по композиции и
краскам совпадает с миниатюрой
из рукописи поэмы
Хосрова Дехлеви
«Меджнун и Лейли» (Дорн 395),
датированной 1495 г.
Публикуется впервые.

или же вторая часть была присоединена к нему в Библиотеке (и снова встаёт вопрос, не было ли у Р.К. Портера двух альбомов). В чьих руках и в каких городах побывал альбом за несколько десятков лет – после того как он был оформлен художником Мухаммад-Бакиром во второй половине

XVIII в., и до того, как поступил в Публичную библиотеку?

Прояснилась только одна страничка из биографии замечательного памятника книжного искусства. Теперь к описанию Дорна можно добавить строчку: «1838 г., И.О. Симонич (через Николая Г)».

Съёмка Павла Медведева и Дмитрия Белозёрова

Адамова А.Т. Персидская живопись и рисунок XV–XIX веков в собрании Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 1996.

Альбом индийских и персидских миниатюр XVI–XVIII вв. / Вступ. ст. А.А. Иванова и др., под ред. Л.Т. Пюзальяна. М., 1962. РГБ: Б Фол – 8/94; 96.

Борщевский Ю.Е. История приобретения ардебильского собрания рукописей Россией // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984.

Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV–XIX вв. / Вступ. ст. Г.И. Костыговой, под ред. А.Н. Болдырева и А.Л. Троицкой. М., 1963. РГБ: Б 60-80 / 115; 116.

Akimuskin O.F. Il murakka di San Pietroburgo: Album di miniature indiane e persiane del XVI–XVIII secolo e di esemplari di calligrafia di Mir Imad al-Hasani. Milano, 1994;

Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St.Petersbourg / [Ed. par B. Dorn]. SPb., 1852.

Vasileva N.E. About the history of Sir Robert Ker Porter's album // Archäologische Mitteilungen aus Iran / Hrsg. vom Deutschen arch. Inst., Abteilung Teheran. 1994. Bd. 27.